

уклонения от налогов, бегства капитала в офшоры. Известный английский социолог Дж. Урри, характеризуя экономическую жизнь западных обществ и процесс офшоризации экономики, отмечает: «...поведение представителей современной буржуазии становится все более похоже на поведение преступников: они работают под прикрытием, заматают следы и оберегают свободу делать деньги тайно и по большей части вне поля зрения остальных» [1,38]

Бизнес, особенно крупный, решая вышеуказанные дилеммы, ставит на первое место свои интересы. Конечно, картина по странам может отличаться: где-то бизнес более социально ответственный, где-то менее. Но всюду тенденция одна – забота в первую очередь о себе родном. Отсюда вывод: проблема повышения социальной ответственности бизнеса и в XXI веке остается весьма актуальной.

Литература

1. Урри, Дж. Офшоры./Дж. Урри – М.: «Дело», 2017. –288с.

Лемещенко Петр Сергеевич

*д. э. н., профессор, зав. кафедрой институциональной экономики
экономического факультета БГУ*

«Богатство народов» в 21 веке: что, как, для кого, сколько?

Экономическая наука как специфическая форма общественного сознания в целом возникла как наука о богатстве. Именно определенный акцент на той или иной стороне этого хозяйственного феномена выступал критерием и основой, чтобы дать целое научное направление, устойчиво закрепившееся в истории мысли: меркантилизм, теория физиократов, классическая политэкономия, неоклассика и т.д. Эта категория в себе в явном и неявном виде аккумулировала общее представление людей о жизни в целом, об источниках богатства, о справедливости его распределения и пр. Но сегодня именно размытость понимания категории «богатства», по существу, выступает серьезной, если не основной причиной, и «размытости», калейдоскопичности и даже некой деструктивности современной экономической науки. Деструктивность ее, прежде всего, гносеологическая, поскольку она не дает ответа на главный вопрос: а что все-таки является главным элементом богатства человека не просто как индивида-потребителя, а как человека деятельного, познающего, творящего, социума? А кто творец этого богатства и как оно распределяется и по каким принципам? А сколько надо человеку, имеющего ограниченный срок своего существования какого-то имущества, возможно почестей, памяти. К рынку вроде бы подошли и что-то даже сотворили, но никто, пожалуй, не ответит на вопрос, а каковы или каков закон распределения царит в обществе? Как этот закон стыкуется с законами производства? Заметим, наиболее точно и полно для человека, его жизнедеятельности категория «богатство» на стадии доминирования патриархальных хозяйств была определена в домостроях,

например, «Домострое» Сильвестра (15 в.). Дело в том, что природа не любит пустоты и отсутствие многих узловых «человеческих» вопросов современности очень быстро и довольно успешно заполняются квазикатегориями получившей широкое распространение экономикологии. Но если экономическая наука, политэкономия всегда отражала в себе социальный заказ и политический контекст, то сегодня границы нравственности у представителей этой части «аналитиков» определяются исключительно финансово-денежными формами богатства, которые получили название «фиктивного богатства». Необъяснимый парадокс, но факт – акции и другие «ценные» (?) бумаги выступают залогом для кредитных операций, что послужило основой и кризиса 2008-2009 гг., получившего название «общий кризис капитализма». В результате деривативы кратко превысили мировой ВВП, создав критическую ситуацию катастрофы для современной экономики. Элемент рыночной «несправедливости» в том, через иррациональные формы богатства перераспределяются реальное богатство не в соответствии с долей вклада в общественное богатство. Например, банки США «дают» 7-8% ВВП страны, а перераспределяют порядка 60%. Этому способствуют и выводы теории, поскольку даже Нобелевские лауреаты (конечно, далеко не все) считают, что научные выводы вообще не должны нести в себе познавательное начало и вести к истине. Главное, чтобы они были полезны. Но полезны кому: обществу в целом, труду, производительному капиталу или отдельным влиятельным группам, формирующим институциональные правила и среду? Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой, потому что в ней было определено место и значение «богатства народов». Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать хозяйственный мир как мир богатства. Но не только природно-физического, сколько человеческо-трудового. В достижении и превращении форм богатства, его распределении они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – стоимость, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией. Элементы же стоимости, на которые она распадается ($c + v + m$), дают общепризнанное основание на фонд возмещения, пропорцию распределения вновь созданной стоимости на необходимый и прибавочные ее части. И капитал, кстати, при всем его устремлении изменить эту пропорцию в свою пользу, наталкивался на общественное сопротивление к этому изменению как со стороны церкви, влиятельной элиты и даже

правовой системы. Сегодня экономическая наука одна из немногих «потеряла» категорию «стоимость» и, кстати, неспроста... Ведь по ней можно определить, а кто является основным производителем и какую долю из общественного благосостояния он должен получить и насколько общество экономически и нравственно справедливо. Последние свойства имеют прямое отношение к тому, будет ли дальше формироваться потенциал к дальнейшему развитию страны или отдельной фирмы.

Свое дальнейшее развитие классическая школа получила в других научных школах и отдельных течениях, которые по-разному трактовали богатство отдельного индивида и нации, страны. Хотелось бы подчеркнуть, что историческая школа отметила тот парадокс, что сумма ресурсов отдельных индивидов не есть общественное богатство в целом, зафиксировав при этом роль и значение культуры и образования. Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки, поскольку не хлебом единым жив человек, это, во-первых. Во-вторых, природно-экономические факторы, безусловно, имеют значение в формировании богатства нации. Но эти факторы при экологических ограничениях все-таки лежат в основании экономической системы. Конец 20-го и начало 21 веков выявили еще один парадоксальный факт: чем большим природным богатством обладает страна, тем она беднее в экономическом отношении в целом. В-третьих, сформировалась мир-экономика серьезно подчинившая соответствующими международными институтами, метакapиталом и пр. индивидуальные предпочтения, мотивы, создавая квазикультуру, квазизнания и суррогатные отношения. Поэтому в 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в которой явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе. В частности, экономика знаний, о которой сегодня много говорят, принципиально меняет и подходы к богатству, его источникам, измерению, законам распределения.

Современная хозяйственная система представляет целостную структуру, которая пронизана различной степенью интенсивности отношений и взаимосвязей людей, фирм, других институциональных структур. Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой транспортной, электрической и финансовой усилило интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов, как по эндогенному, так и по экзогенному направлениям не столь от национальных, сколько от наднациональных институтов. Созданные на настоящий момент

международные институты создают условия, при которых природное и экономическое богатство отдельных стран уже не может в полной мере использоваться в интересах населения этих стран. К тому же факторы развития и роста переместились в область отношений и научно-информационного ресурса. Опуская многие очень важные и уже достаточно отработанные теорией аспекты «новой экономики», приведем лишь один пример. Подсчитано, что каждый пункт IQ нации повышает ВВП на 229 долл., а каждый пункт IQ самых сильных умов интеллектуальных элит нации – на 468 долл. Наконец, последнее. Современная политико-экономическая и социально-финансовая среда создала удивительные условия неопределенности и повышенного риска сохранения и умножения богатства. Это дестимулирует здоровое производственное начало современной экономики. Капитал сам нарушил священные права защиты и сохранения частной собственности. Пожалуй, большевикам и не снились те размеры богатства, которые экспроприруются у частных лиц, например, в период кризисов. Дж. Кеннеди-старший, понимая эту проблему сохранения богатства на себе, еще до войны писал, что готов отдать половину богатства тому, кто раскрывает секрет, как сохранить другую ее часть. Сегодня эта ситуация неустойчивости резко обострилась, а капитал усилил свою рантьеерскую ориентацию, чем подорвал не только права частной собственности, но и ту активную экономическую среду, новую производительную силу, которую ранее мог формировать и это практически делал институт рынка. Принципиально новые производственные возможности для развития стран имеют институциональные условия и социальный капитал, ориентирующие на качество формирования и использования возможностей человеческого потенциала и того, что ранее называли производственными отношениями. При социализме планировали с той или иной степенью погрешностью производительные силы, то сегодня назрела задача планировать институты и производственные отношения. Это сделает будущее того же бизнеса более определенным, а, например, планирование форм и систем заработной платы (не ее размеров неопределенных) позволит выстроить и работодателю, и работнику необходимую и внутренне признаваемую систему приоритетов поведения. Ведь богатство страны и мира в целом прирастает не просто человеком, а Человеком нравственным, внутренне отражающим и признающим современную эпоху. Богатство мира в оригинальных людях. Так сказал британский писатель Томас Карлейль. А Маркс отметил, что будущее богатство народов – это свободное время, которое человек может получить для своего развития. Трансформация подвела многие страны к стратегии выживания с ее ориентациями на богатство, его создателей и потребителей. А. Дитон, Нобелевский лауреат 2015 г. по экономике подсчитал, что для нормального воспроизводства человека с удовлетворением текущих общепринятых потребностей в отдыхе, автомобиле и пр. достаточно всего лишь или целых для кого-то 75-80 тыс. долл. Относительно новое

направление в науке политэкономия счастья зафиксировала с эмпирической достоверностью, что увеличение доли материально-финансового богатства мало влияет на душевное равновесие и ощущение удовлетворения от жизни и своей хозяйственной деятельности.

Маляренко Александр Владимирович

магистр экономических наук, зам. заведующего лабораторией экономических проблем, ОАО «НИИ Стройэкономика»

Трансформация систем корпоративного управления в Республике Беларусь

Несмотря на отсутствие очевидных экономических реформ в Беларуси, о необходимости и даже неизбежности которых отечественные и зарубежные эксперты говорят постоянно, определенные трансформации системы управления экономикой в целом и субъектами хозяйствования, в частности, тем не менее имеют место. Суть этих изменений существующего механизма хозяйствования заключается не столько в следовании многочисленным рекомендациям, сколько в вынужденной адаптации под актуальные тенденции управления в мировой экономике, а также необходимость соответствовать требованиям зарубежных кредиторов. С началом нарастания кризисных явлений в мировой экономике, геополитической напряжённостью в восточной Европе на ключевых рынках сбыта отечественной продукции и услуг снижался спрос, в то же время покупательная способность на отечественном рынке также ощутимо снизилась. Такая ситуация заставляет бизнес объединяться. Поэтому важной тенденцией развития экономики Беларуси является создание крупных интегрированных структур. Укрупнение бизнеса требует изменения подходов к управлению. В условиях нашей страны речь идет о переходе от бюрократических моделей управления, через сетевые к корпоративным, работающим на рыночных началах. Проведённой нами исследование систем управления на примере строительного комплекса показало наличие сложностей трансформации систем управления. Среди них можно выделить: отсутствие достаточного опыта работы в рамках корпоративных систем управления, сложности и чрезмерная изменчивость нормативно-правовой базы, низкая защита инвесторов и акционеров. Тем не менее трансформация систем корпоративного управления несет ряд преимуществ как государственному, так и частному бизнесу [1,72]. Современная система корпоративного управления призвана повысить эффективность бизнеса: увеличить рентабельность, расширить рынки сбыта, достичь синергетического эффекта объединения компаний. Для государства это один из главных инструментов разделения функций регулятора и собственника.

Литература

1. *Медведева, Ю.* Интеграция: формы и содержание // Экономика Беларуси. - №4. – 2012. – с.68-72.